

Там, где прошёл Тун Цинхэ, оставались влажные следы:

— Дядя, пожалуйста, пометь меня.

Всего несколько дней назад маленький омега с радостным нетерпением ждал своей первой течки, но сегодня несколько волн течки, вызванных гоним, почти сломали его, оставив его измученным, разбитым и потерявшим себя.

Тун Цинхэ без сил сжимал воротник Цзян Шаочжи. Его голос, почти умоляющий, был слабым и плавающим:

— Пометь меня...

Он умолял, просил, даже отбросив собственное достоинство, преследовал альфу, чтобы тот его пометил.

Вступая в течку, они теряли себя из-за боли и мучений, которым подвергались. Поведение и сознание становились неконтролируемыми. Единственный оставшийся инстинкт — это погоня за самыми первобытными желаниями.

Глаза маленького омеги были красными. Слезы, проступавшие из его обычно блестящих и круглых кошачьих глаз, превратили их в два грецких ореха. Цзян Шаочжи непрерывно целовал рану на его лбу. Его пальцы остановились на краю железы на шее, медленно и нежно выпуская терпко-сладкий сандаловый аромат, чтобы успокоить железу, которая продолжала выделять жидкость.

— Не плачь, — Цзян Шаочжи поднял маленького омегу на руки и пошёл в главную спальню. — Я здесь, я вернулся.

Тело Тун Цинхэ дрожало. Он искал защиты у Цзян Шаочжи. Все его слёзы вытирались о чистую ткань одежды.

Цзян Шаочжи постоянно успокаивал взволнованные и напуганные эмоции Тун Цинхэ поцелуями. Войдя в главную спальню, он увидел пятна крови на полу. Они поразили его в глаза. Он сглотнул и в конце концов отнёс Тун Цинхэ в гостевую.

Тун Цинхэ невнятно произнёс:

— Дядя, мне больно...

Он не мог сказать, где именно болит, но то, что он прижимался к своему альфе, было правильно. Они были природным «лекарством» друг для друга. Каждое дыхание, каждая нить феромонов Цзян Шаочжи были его спасением. Тун Цинхэ даже схватил пальцы Цзян Шаочжи и начал беспорядочно их кусать, но из-за нехватки сил это было больше похоже на нежное покусывание слабой кошки, которая таким образом давала выход своей тревоге и

беспокойству.

Пальцы Цзян Шаочжи были покрыты слюной Тун Цинхэ. Он позволял своему омеге кусать себя, специально подставляя ему те места на пальцах, где кожа была немного мягче, а не покрыта мозолями.

Самое главное сейчас — не просто пометить своего омегу, прижав его к себе, а сначала обработать раны на лбу и затылке Тун Цинхэ.

Первый гон омеги обычно длится от семи до десяти дней и в течение всего этого времени они не могут покинуть альфу. Весь этот процесс вызывает сильную потерю сил и является периодом наибольшей слабости для омеги. Им необходимо постоянно есть, постоянно получать утешение, чувствовать защиту и присутствие альфы.

И в этот период Тун Цинхэ мог полагаться только на заботу альфы: Цзян Шаочжи должен был пополнять его водный баланс, кормить, обеспечивать ему психическое и физическое успокоение.

— Дядя, — Тун Цинхэ положили на кровать, подложив две подушки под поясницу. Увидев, что Цзян Шаочжи собирается уйти, он поспешно схватил его за палец, слабо обхватив его, и спросил хриплым, тихим голосом: — Куда?

Очевидно, он не хотел, чтобы его альфа исчезал из поля зрения. Ему было трудно вынести даже секунду разлуки.

Цзян Шаочжи указал на шкаф, поцеловал влажные длинные ресницы Тун Цинхэ, ласково и неохотно. Нежный сандаловый аромат окутал Тун Цинхэ, прижимаясь к нему. Цзян Шаочжи быстро принёс аптечку и терпеливо и сосредоточенно обработал раны Тун Цинхэ на голове.

В процессе Тун Цинхэ был очень липучим. Его руки и ноги постоянно тёрлись о Цзян Шаочжи. Он подтянул колени, как послушный котёнок. Несмотря на все свои раны, он, следуя инстинкту, проявлял крайнюю привязанность, наслаждаясь всеми видами успокоения со стороны своего альфы.

Палец Тун Цинхэ постоянно обвивал мизинец Цзян Шаочжи, крепко сжимая, и он тихо шептал:

— Дядя, мне больно.

Цзян Шаочжи отвёл мокрые волосы со лба Тун Цинхэ, обнажив кровоточащую рану. Его сердце сжалось. Боясь его повредить, он хрипло спросил:

— Где больно?

Тун Цинхэ не мог объяснить, где именно. Он просто повторял, что ему больно, его голос был

слабым, липким и горячим, витая у уха Цзян Шаочжи.

Феромоны жасмина были такими сладкими, словно из них сочился мёд. Вкус зрелой течки сильно отличался от вкуса юношеского возраста. Нежный бутон раскрылся. К элегантности добавилась доля соблазна. Созревший, покрытый росой, он притягивал к себе.

Волна за волной аромат сандала безумно преследовал и переплетался с жасмином. Цзян Шаочжи был внешне невозмутим, но его виски были влажными от пота. Он крепко сжимал кулаки, пальцы медленно впивались в ладонь, покрытую мозолями.

Тун Цинхэ вздрогнул. Его глаза блестели от влаги. Он протянул руку, которая не держала Цзян Шаочжи, и потрогал затылок. Там блестела влага. Его ладонь была покрыта влажной жидкостью.

Цзян Шаочжи уставился на чистую, влажную ладонь, тяжело сглотнул, стиснув зубы, сдерживая желание уткнуться лицом в шею своего омеги.

Цзян Шаочжи взял тыльную сторону ладони Тун Цинхэ и крепко закрыл её:

— Не давай мне смотреть. — Он даже не осмеливался прикоснуться.

Чтобы временно отвлечься, Цзян Шаочжи открыл аптечку, достал все необходимые лекарства и, не отвлекаясь, смотрел только на раны на лбу и затылке Тун Цинхэ.

После обработки ран на лбу и затылке Тун Цинхэ всё ещё был весь в беспорядке. Благодаря присутствию альфы и влиянию феромонов его третья волна течки временно ослабла. Он тихо прислонился к Цзян Шаочжи, ожидая четвёртой волны.

Цзян Шаочжи решил набрать горячую воду в ванную, чтобы обмыть Тун Цинхэ.

Не имея возможности оторвать прижавшегося к нему человека, Цзян Шаочжи взял своего омегу на руки и пошёл с ним в ванную.

В ванной было большое зеркало. Тун Цинхэ увидел, как Цзян Шаочжи несёт его, повернувшись к нему лицом, и застенчиво опустил голову, чтобы спрятаться. Спустя некоторое время он осторожно поднял голову. Его глаза были слишком опухшими. Он закрыл их, не скрывая своих внутренних желаний. Он непрерывно нюхал шею Цзян Шаочжи, прижимаясь всё ближе, словно подсел на это.

Цзян Шаочжи внезапно напрягся. Мышцы его рук сжались. Только когда маленькое, мягкое тело отодвинулось от его шеи, альфа заговорил. Его голос был низким и хриплым. От напряжения на лбу продолжали пульсировать вены.

Цзян Шаочжи был словно дрессировщик, успокаивающий внезапно расшалившегося зверька:

— Тун-Тун, будь хорошим мальчиком. Сначала искупайся. Потом ты получишь всё, что захочешь.

Горячая вода поднимала пар, отчего Тун Цинхэ становился ещё более чувствительным. Каждая капля воды, попадавшая на кожу, вызывала у него неконтролируемую дрожь.

Тун Цинхэ упёрся руками в край ванны, издавая тихие звуки, как раненое животное. Неизвестно, кого мучила эта чистка: омегу в гоне или альфу, находящегося в состоянии самоконтроля.

Но и альфа, и омега находились на грани потери контроля и срыва.

Цзян Шаочжи изо всех сил старался вернуть себе разум. Они вышли из ванной. Оба были без одежды. На их телах были капли воды от пара и пот.

Тун Цинхэ внезапно почувствовал беспокойство:

— Дядя...

Цзян Шаочжи понёс его вниз, достал из холодильника продукты и быстро принялся готовить еду. Ему нужно было запастись провизией на следующие несколько дней, чтобы в любой момент восполнять силы Тун Цинхэ.

Цзян Шаочжи:

— Подождёшь на диване?

Тун Цинхэ сжал челюсть. Его губы сложились в недовольную и обиженную линию. Уголки глаз покраснели, он был готов заплакать.

Цзян Шаочжи сделал два шага, но тут же вернулся. Он согнул колени и, как бабочка, клонул Тун Цинхэ в уголок рта.

В конце концов, он придвинул стул рядом с кухней. Тун Цинхэ, весь ослабевший, прислонился к нему, подтянул колени и обнял их. Его веки лениво приподнялись, и он молча наблюдал за готовящим альфой.

В его голове проносились туманные, смутные картины. Аромат сандала, витающий вокруг, заставлял его сосредоточить всё своё внимание на Цзян Шаочжи.

Пальцы альфы, нарезающие продукты, изредка подёргивающийся кадык, лёгкое подрагивание

ресниц — все эти изменения расширились в его поле зрения. Смутное зрение постепенно становилось ясным и чётким, словно облака разошлись.

Он моргнул, замедлил дыхание, не веря своим глазам.

Цзян Шаочжи завернул часть еды в пищевую плёнку и положил в холодильник. Оставшиеся двойные порции он, держа поднос одной рукой, поднял Тун Цинхэ наверх, посадил на край кровати и осторожно, внимательно накормил его, держа на коленях.

Цвет лица Тун Цинхэ заметно улучшился. Он прислонился к Цзян Шаочжи, правым указательным пальцем крепко сжимая его запястье.

Между ними не было больше слов. Лишь изредка их взгляды пересекались. Нити жасмина и сандала сталкивались. Этого маленького жеста было достаточно, чтобы их тела и сердца, со стопроцентной совместимостью, трепетали, ожидая четвёртой волны течи.

Спустилась ночь. Цзян Шаочжи включил систему изменения декораций в комнате. Через час температура тела Тун Цинхэ поднялась. Румянец на щеках медленно расползся. Его дыхание стало частым. Он сжал Цзян Шаочжи, как спасательную соломинку.

Цзян Шаочжи осторожно опустил омегу на кровать. Ладонь, лежавшая на его затылке, почувствовала влагу. Взгляд альфы потемнел. Он лёг на бок:

— Тун-Тун, не бойся.

Терпко-сладкий сандал разлился по спальне, смешиваясь со свежим жасмином, выпущенным маленьким омегой, создавая сладострастную и романтическую атмосферу.

Первый осенний дождь вовремя окутал весь город. Ночная дождевая вода была подобна волнам, которые накатывали одна за другой. Капли воды, слившиеся в ручьи, громко стучали по окну. Даже густой жасминовый аромат в спальне пропитался влажностью этой большой волны.

Смоченные дождём лепестки жасмина были влажными. Альфа взял цветок в рот, стебель дрожал, источая терпкий сладкий нектар.

В какой-то момент влажный, сладкий жасмин и сандал достигли пика концентрации феромонов. После того как цветочный аромат рассеялся, жасмин стал горьким и сладко-солёным. Сильный сандал властно и уверенно поглощал горький аромат жасмина, сплетаясь в нежную сеть, которая медленно поглощала.

Цзян Шаочжи полностью пометил Тун Цинхэ в момент, когда тот потерял сознание. Самый священный ритуал метки между альфой и омегой обрушился на мозг Цзян Шаочжи, как шторм. Он крепко обнял Тун Цинхэ, не выпуская.

Последствия этой волны потрясений не позволяли Тун Цинхэ очнуться от сна в течение длительного времени. Примерно через полчаса он очнулся от нарастающей течи и инстинктивно потянулся к Цзян Шаочжи.

Тун Цинхэ открыл глаза. Его рука была крепко сжата. Небо покрылось сандаловым ароматом, который давил и охватывал. Голос альфы непрерывно, размеренно, поднимался и опускался у его уха. Это было провозглашение обладания, как у дикого зверя.

Тун Цинхэ был полностью помечен.

<http://bllate.org/book/4/84>